

Институт языкознания Российской академии наук
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ГЛАГОЛЫ ЗВУКОВ ЖИВОТНЫХ: типология метафор

Языки славянской культуры
Москва
2015

УДК 80/81
ББК -3*81.2
Г 52

Данное научное исследование было выполнено при поддержке Программы
«Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г. (№ 14-05-0060)

Печатается по решению Ученого совета ФГБУН Института языкознания РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук Д. О. Добровольский
кандидат филологических наук Т. А. Майсак

Составитель:

Е. В. Рахилина

Под редакцией

Т. И. Резниковой, А. С. Выренковой, Б. В. Орехова, Д. А. Рыжовой

Г 52 Глаголы звуков животных: типология метафор / Ред. Т. И. Резникова, А. С. Выренкова, Б. В. Орехов, Д. А. Рыжова. Сост. Е. В. Рахилина. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 400 с.

ISBN 978-5-94457-254-7

Монография посвящена глагольным системам звуков животных и свойственным им метафорическим сдвигам в зону человека, природных объектов и артефактов (*пациент взвыл от боли, ветер выл в трубах, где-то воет пожарная сирена*). Исследование проведено на материале более чем 20 языков разной структуры — в основном они описаны в отдельных главах; подробно примеры отражены в специально созданной базе данных. Вводная и заключительная главы книги суммируют полученные выводы, значимые не только для семантики конкретных глаголов, но и для теории и типологии метафоры в целом. Книга адресована специалистам по семантике, типологии и всем, кто интересуется лингвистикой.

УДК 80/81
ББК -3*81.2

ISBN 978-5-94457-254-7

© Коллектив авторов, 2015
© Надя Плунгян, обложка, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

Оглавление

Введение

1. *Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Б. В. Орехов*
И хрюкотали зельюки:
предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике9

Индоевропейские языки

2. *А. С. Выренкова*
Звуки животных в английском языке.....37
3. *Т. И. Резникова*
О кукарекающем ребенке и мурлычущем холодильнике:
глаголы со значением звуков животных
и их семантические переносы в немецком языке.....54
4. *Е. С. Лучина, С. М. Баранова*
Глаголы звуков животных в идише.....88
5. *Е. А. Кузьменко*
Метафоры звуков животных в норвежском языке.....97
6. *Г. Обери, Е. А. Парина*
Глаголы, обозначающие звуки животных в валлийском языке.....107
7. *Е. А. Кузьменко*
Глаголы звуков животных в греческом языке120
8. *А. О. Максимова*
Армянские глаголы звуков животных.....131
9. *Е. В. Бессонова, Д. А. Рыжова*
Звуки животных в хинди.....144

Финно-угорские языки

10. *Е. В. Кашкин*
Глаголы звуков животных в мордовских языках163
11. *А. Никулласси, Е. Протасова*
Финские глаголы, описывающие издаваемые животными звуки178

Тюркские и монгольские языки

12. *Э. Г. Мустакимова, Б. В. Орехов*
Глаголы звуков животных в башкирском и татарском языках 199
13. *А. Э. Комарова*
Звуки животных в калмыцком языке 218

Языки Северного Кавказа

14. *М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова*
Глаголы звуков животных в бжедугском диалекте адыгейского языка 235
15. *С. Р. Мерданова, Т. И. Резникова*
Звуки животных и их переинтерпретация в агульском языке 247

Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии

16. *А. С. Панина*
Выражение звуков животных в японском языке 263
17. *Е. Л. Рудницкая, С. Хван*
Общая характеристика лексического поля звуков животных
в корейском языке 282
18. *Л. С. Холкина*
Особенности лексической системы звуков животных
в современном китайском языке 297
19. *Э. Г. Мустакимова*
Глаголы звуков животных в индонезийском языке 310

Заключение

20. *М. В. Кюсева, Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова*
Глаголы звучания как материал к теории семантических моделей 327

Приложение

21. *И. Кор Шаин, М. В. Кюсева*
Некоторые замечания о глаголах звуков животных в славянских языках 349
22. *Е. В. Кашкин, Т. И. Резникова, Е. К. Павлова, Е. С. Лучина*
От трелей соловья — к шелесту, скрипу и грохотанию 362
- Список литературы 381
- Сведения об авторах 389
- Указатель животных 391

Глава 12. Глаголы звуков животных в башкирском и татарском языках

1. Введение

Башкирский и татарский языки относятся к самым многочисленным по количеству носителей миноритарным языкам России. Согласно данным переписи 2010 года [Перепись 2010], среди языков РФ, которые не являются титульными в других государствах, наиболее распространенным должен считаться татарский (4280718 человек указали, что им владеют), за ним следуют чеченский (1354705) и башкирский (1152404). Тем не менее, статус обоих языков определяется как «уязвимый». Все носители фактически являются билингвами.

Башкирский и татарский — близкородственные языки, относящиеся к кыпчакской группе тюркской семьи алтайской языковой макросемьи. Как и их ближайшие соседи по генеалогической классификации, это агглютинативные языки, образующие формы последовательным присоединением аффиксов к основе. Ареалы распространения татарского и башкирского соприкасаются: первый является государственным языком Республики Татарстан, а также используется в некоторых районах Башкортостана и прилегающих областей (Челябинской, Ульяновской, Свердловской, Оренбургской и др.); второй является государственным для Республики Башкортостан, а его носители расселены также по Челябинской, Оренбургской, Свердловской, Тюменской, Курганской и другим областям.

Здесь мы попытаемся ответить на поставленные в Orekhov 2016 вопросы, касающиеся общности и различий в метафорических переносах двух родственных тюркских языков. В отличие от грамматической типологии, обычно не рассматривающей в рамках одной исследовательской задачи генетически близкие идиомы, лексическая типология готова анализировать такой материал: «Парадокс лексической типологии состоит в том, что родственные языки, как правило, “не портят” общую картину» (Рахилина, Резникова 2013: 8). Кроме того, наше исследование базируется на тезисе А. Е. Кибрика о том, что «типология родственных языков <...> является необходимой частью общей типологии. Более того, в отдельных случаях типологическое сравнение в рамках групп родственных языков обладает несомненными методическими преимуществами» (Кибрик 2005: 191).

Нас также будет интересовать отличие башкирской и татарской метафорических систем от той, которую демонстрирует русский язык. До сих пор в исследовательском инструментарии лексической типологии не было способов, позволяющих однозначно

разграничить самостоятельно развившиеся и заимствованные метафоры. Надеемся, что в этом отношении опыт работы на материале близких генетически и по географии распространения языков будет полезен и методологически.

Наконец, сравнение нашего языкового материала¹ с русским позволит обогатить и представления о социолингвистическом контексте функционирования крупных миноритарных языков России и связать этот контекст с лексико-типологической проблематикой.

2. Прямые значения

В башкирском языке было обнаружено 35 глаголов, обозначающих звуки животных, в татарском их 26. Это значит, что татарский и башкирский относятся к группе «богатых» языков, то есть таких, в которых существует много специализированных глагольных лексем для разных животных. «Богатые» языки находятся в оппозиции к «бедным», например, японскому или китайскому, где этих глаголов не больше десятка.

Поскольку рассматриваемые языки являются близкородственными, глаголы и в башкирском, и в татарском часто обладают исторически обусловленным внешним сходством, что иллюстрируется в таблице 1. Однако когнаты могут при этом относиться к разным группам животных и давать разные метафорические переходы, что само по себе подтверждает необходимость сравнения родственных языков в рамках лексической типологии. Например, в башкирском языке глагол *ысылдау* относится только к шипению змеи, а в татарском аналогичный глагол *ысылдау* — к шипению как змеи, так и гуся.

Таблица 1. Глаголы с исторически обусловленным внешним сходством

Башкирский глагол	Татарский глагол	Перевод <животное>
бакылдау	бакылдау	квакать <лягушка>
кешнәү, кешәнәү	кешнәү	ржать <лошадь>
сәрелдәү, сарылдау	черелдәү	пищать, стрекотать <птенец, кузнечик>
сысылдау, ысылдау	чыжылдау, ысылдау	шипеть <татарск.: змея, гусь; башкирск.: змея>

В обоих языках по прямым значениям выделяются такие типологически частотные объединения живых существ, как насекомые (башкирский и татарский глагол *безелдәү*) и представители семейства собачьих (башкирский глагол *олоу*, татарский — *улау*). На этом материале можно заметить общезыковую тенденцию разделения на две разные

¹ Основными источниками языкового материала выступили информанты, всем им мы приносим свою благодарность. Нас консультировало большое число носителей языка и экспертов, особенную признательность хотелось бы выразить Азамату Абдрахмановичу Галлямову, Евгению Александровичу Можаву и Булату Эрнстовичу Хакимову. Некоторые примеры были взяты из Башкирского поэтического корпуса и Татарского национального корпуса «Туган тел».

группы крупных и мелких животных: лев или бык, скорее всего, не будут объединяться одним звуковым глаголом с воробьем или мышью.

Однако уже на уровне кластеризации животных татарский и башкирский демонстрируют значительные различия. Например, в татарском лягушка и утка совмещаются в одном глаголе (*бакылдау*), а в башкирском такого совмещения не наблюдается — вместо этого утка попадает в одну группу с курицей (*көркөлдәу*). В татарском языке одним глаголом обозначаются звуки, издаваемые бараном, овцой и козой (*бәэлдәу*), но не коровой, а в башкирском — звуки барана и коровы (*бакырыу*).

В башкирском группы, выделяемые по прямым значениям глаголов, в большей степени совпадают с научной классификацией. Среди этих групп можно назвать маленьких и певчих птиц (*чыркылдау* — глагол для воробья, соловья, птенца), крупных хищных животных (*акыру* — для льва, леопарда, лисы, медведя), крупных и хищных птиц (*кычкыру* — для индюка, коршуна, орла, журавля).

В башкирском же, скорее, выделяется общая группа птиц (*кысқырыу* — глагол для петуха, птенца, орла, ястреба, кукушки), в которую, однако, входит и не-птица (поросенок).

3. Переносные значения

В этом разделе переносные значения глаголов анализируются с двух позиций: с точки зрения языков, задействующих данную метафору, и с точки зрения семантической зоны, к которой относятся эти значения.

В отношении языков можно выделить три группы семантических переходов. Первую группу составляют метафоры, появившиеся в татарском и башкирском языках, скорее всего, под влиянием русского. Согласно Orekhov 2016, почти половина башкирских переносных значений в зоне звуков животных формируется по русской модели. Мы рассмотрим, какие из этих сдвигов повторяются и в татарском языке. Ко второй группе относятся метафоры, которые присутствуют и в башкирском, и в татарском, однако отсутствуют в русском языке. Сравнение этой группы с аналогичными переходами в других тюркских языках позволит выделить характерные тюркские модели семантических сдвигов. В третью же группу можно объединить метафоры, которые присутствуют либо только в татарском, либо только в башкирском. Такие переходы продемонстрируют, что в родственных языках метафоры могут в значительной степени различаться.

Что касается семантических зон, то в этой работе описаны только те фреймы, которые представлены по крайней мере в одном из двух рассматриваемых языков: башкирском или татарском. Интересующие нас зоны включают: физиологические звуки, эмоциональные проявления, нечленораздельную речь, пение, характеристики голоса и речи, семиотически значимую речь, зону множественного субъекта, а также некоторые особые переходы в область не-звуков, артефактов и природы.

3.1. Физиологические звуки

В башкирском языке переход во фрейм «физиологические звуки» демонстрирует лишь один глагол — *хырылдау* <свинья>, который может обозначать храп человека.

(1) Башкирский

Суска кән буйы картә-һен-дә хырылда-ны.
 свинья день post загон-poss.3sg-loc хрюкать-pst.def

‘Свинья целый день хрюкала в своем загоне’.

(2) Башкирский

Ул төн буйы хырылда-ғас йокла-й ал-ма-ны.
 он ночь post хрюкать-ger спать-prs брать-neg-pst.def

‘Он не мог уснуть из-за того, что всю ночь храпел’.

Совмещение звуков свиньи и храпа в одном глаголе не является типологически редким, оно повторяется, например, в калмыцком и индонезийском языках.

В данных, собранных для татарского языка, переходы в зону физиологических звуков отсутствуют.

В целом в языках мира это не очень богатая зона. Показательно, например, что в типологической базе данных, посвященной звукам животных, тег «физиологические реакции» встречается практически в два раза реже, чем тег «эмоциональные реакции».

3.2. Эмоциональные проявления

Семантическая область эмоциональных проявлений в рассматриваемых языках довольно богата зоометафорами. Ядро этой зоны образуют спонтанные реакции, а именно смех и плач, которые будут далее описаны по отдельности.

3.2.1. Смех

Башкирский и татарский языки очень схожи в том, что касается метафор смеха. Например, в обоих языках источниками таких метафор являются лошадь и курица, а глаголы и переносные значения для звуков этих животных в двух языках практически одинаковы, что показано в таблице 2 и примерах (3–5).

Перенос кудахтанья на смех, не представленный в русском, соответственно, не может иметь источником русскую модель, а лошадиное ржание, напротив, в русском развивает близкую метафорику, однако неверно было бы однозначно определять этот переход в башкирском и татарском как кальку. Дело в том, что эта метафора, по-видимому, широко распространена в языках мира, ср., например, в нашей выборке в английском, немецком, французском, армянском, сербском, финском, венгерском, эрзянском, коми-зырянском, коми-пермяцком.

Таблица 2. Глаголы для звуков лошади и курицы в башкирском и татарском языках

	Лошадь	Курица
Башкирский	кешнәү / кешәнәү	кыткылдау / кеткелдәү
Татарский	кешнәү	кыткылдау
Перенос	грубый смех	веселый открытый смех

(3) Башкирский

Был хәбәр-зе ишет-кәс, ул кыткылда-п көлө-п ебәр-зе.
 этот новость-ACC слышать-GER он кудахтать-GER смеяться-GER отпустить- PST.DEF

‘Услышав эту новость, он громко **захохотал**’.

(4) Татарский

Әни-ем кыткылд-ый мазәк-тән соң.
 мама-1SG кудахтать-PRS анекдот-ABL после

‘Мама **хохочет** после анекдота’.

(5) Татарский

<...> *өел-гән киём-нәр арасыннан*
 собраться-PTCP.PST одежда-PL из

Борһан үзенең бүрег-ен эзлә-де.
 Бурган свой.3SG шапка-3SG искать- PST.DEF

Караңгы-да ялгыш Хәкимулла бүрег-ен ал-ып кия яз-ды.
 темнота-LOC случайно Хәкимулла шапка-3SG взять-CONV надеть.PRS AUX- PST.DEF

Ах-ха-ха, — дип кеиһә-де шул чак-та Борһан — ах-хаха!
 ха-ха PART ржать- PST.DEF тот время-LOC Бурган ха-ха

‘В собранной одежде Бурган искал свою шапку. В темноте его шапку чуть не надел Хәкимулла. Ах-ха-ха, — **заржал** тогда Бурган, — ах-хаха!’ (Мөхәмәт Мәһдиев, Повесть, роман. 2 том, 2009)

Любопытны данные пилотного обследования метафорического потенциала глаголов кудахтанья в других тюркских языках. Глагол, которым обозначается звук курицы, не имеет переноса на человека в чувашском (*кәтиклеть*) и киргизском (*какылдоо*). Вместе с тем, данные казахского языка (*какылдау*) свидетельствуют о наличии семантического сдвига, но совсем в другую зону, не совпадающую ни с башкирским, ни с татарским, ни с русским: *какылдау* в казахском означает постоянное надоедливое повторение.

Еще одним источником для метафоры смеха является башкирский глагол *сырылдау* <воробей>. Щебетанье, чириканье воробья интерпретируется как веселый открытый смех. Обычно этот глагол употребляется по отношению к девушкам-болтушкам, которые шепчутся между собой, см. (6).

(6) Башкирский

кыз-зар сырылда-ш-а иһе.
 девушка-PL смеяться- RECP-PRS быть. PST.DEF

‘Девушки **смеялись**’.

3.2.2. Плач

Башкирский глагол *мыйылдау* <кошка> в применении к человеку означает монотонный просительный плач, нытье, хныканье с оттенком надоедливости. В татарском языке такого семантического перехода нет:

(7) Башкирский

генерал бит ят-а алдыңда!
генерал лицо лежать-PRS POST

‘генерал ведь лежит перед тобой’

мыйылда-й-һың катынкыз-зай бул-ып,
мяукать-PRS-2SG женщины-ASSIM быть-GER

‘ноешь как женщины’

ат һәпәсәк-ләр мәл-ме һуң ошо!
конь баловать-3PL время-INTERROG поздно это

‘коня баловать время ли это’

Миңлегөл Хисмәтуллина «Ерәнсәй» (Башкирский поэтический корпус)

В обоих рассматриваемых языках звуки волка дают переход в зону плача. Однако башкирский глагол *олоу* ‘выть’ обозначает скорее нытье, а татарский *улау* применим в ситуации, когда субъект плачет, воет от горя или боли, страдает, сильно кричит, ревет (ср. пример (8), с одной стороны, и (9) и (10), с другой).

(8) Башкирский

Оло-ма-Ө же, зинһар.
ныть-NEG-IMP PART пожалуйста

‘Не **ной**, пожалуйста’.

(9) Татарский

Кайгы-дан ул-ый.
горе-ABL выть-PRS

‘(Он) **плачет** от горя’.

(10) Татарский

Мин аяк авырт-а башила-ган-га күрә ул-ый башила-ды-м.
мой нога болеть-PRS начать-PST.INDF-DIR из-за выть-PRS начать-PST.DEF-1SG

‘Я **взвыл**, потому что у меня заболела нога’.

Соответственно, русский глагол *выть* семантически ближе к татарскому варианту. Отметим, однако, что русское *выть* также имеет переход во фрейм «пение», которого нет у татарского глагола, но есть у башкирского (см. раздел 3.4).

В других тюркских языках метафорическое поведение «волчьих» глаголов неоднородно. Казахская лексема, обозначающая звук волка (*улыды*), при переносе на человека выражает недовольство, киргизская (*уулун*) описывает тихий плач, а узбекская (*uvillaydi*) не имеет переносов.

В татарском языке источники для зоны плача не ограничиваются звуками волков. К другим животным в этом ряду относятся: собаки (*чинау, шыңшу* ‘скулить’), быки (*мәгрәү* ‘мычать’), птенцы, кузнечики (*черелдәу* ‘щебетать, пищать’). Рассмотрим данные лексемы подробнее.

Два глагола ‘скулить’ в переносных употреблениях имеют между собой существенное различие: *чинау* обозначает ‘скулить от боли’ и применяется только по от-

ношению к детям, как в примере (11), а *шыңшу* имеет семантику ‘плакать, плакаться, ныть’ и по употреблению скорее схож с глаголом *олоу* ‘выть’ <волк> в башкирском, ср. (12) и (8) выше. Глагол *мәгрәү* ‘мычать’ метафорически означает ‘хныкать’, что проиллюстрировано в примере (13). Наконец, *чәрелдәү* ‘щебетать, пищать’ развивает значение ‘кричать, капризничать’, как в примере (14).

(11) Татарский

Бала чин-ый башла-ды егыл-ган-нан соң.
ребенок скулить-PRS начать-PST.DEF падать-PST.INDF-ABL после

‘Ребенок начал **скулить** после падения’.

(12) Татарский

Шыңшы-ма-Ө!
скулить-NEG-IMP

‘Не **плачь!**’

(13) Татарский

Белекей бала уян-ган-нан соң мәгр-и башла-ды.
маленький ребенок просыпаться-PST.INDF-ABL после мычать-PRS начать-PST.DEF

‘Маленький ребенок проснулся и начал **хныкать**’.

(14) Татарский

Бала идән-дә чәрелд-әп ят-а.
ребенок пол-LOC пищать-CONV лежать-PRS

‘Ребенок лежит на полу и **капризничает** (пищит)’.

Тем самым богатая зона плача в татарском отчасти обнаруживает изоморфность русскому языку с его *скулить* и *пищать*. В то же время перенос ‘мычать’ в ‘хныкать’ задает оригинальную модель семантического сдвига.

3.3. Невнятная речь

Зона нечленораздельной речи, как и зона эмоциональных проявлений, хорошо представлена в башкирском и татарском языках. Здесь можно выделить несколько отдельных фреймов, которые мы рассмотрим последовательно: гуление младенца, неуверенная речь, нежный разговор близких людей, слишком быстрая речь.

3.3.1. Гуление

Татарский глагол *гөрләү* <голубь> может обозначать гуление младенца, как в примере (15). В башкирском языке такой переход не встретился.

(15) Татарский

Кечкенә бэби карават-ын-да гөрл-и.
маленький младенец кровать-3SG-LOC гулить-PRS

‘Маленький ребенок **гулит** в своей кровати’.

3.3.2. Неуверенная речь

Переносы в зону неуверенной и нечеткой речи в башкирском и татарском совершенно не имеют общих точек: их дают разные глаголы и разные животные. В башкирском языке смысл ‘мямлить, невнятно говорить’ может выражаться глаголом *мөңрәү* <корова>, как показано в примере (16). А в татарском аналогичную метафору дает глагол *мәлдәү* <коза, баран, овца>, см. (17). Заметим, что оба перехода есть и в русском языке (ср. *мычать, блеять*). Правда, абсолютное большинство языков, для которых в базе данных имеется тег «неуверенная речь», образуют этот переход от глаголов, обозначающих звуки домашнего скота (корова, баран, овца и проч., подробнее см. Главу 1) — так что в этой зоне и башкирский, и татарский не просто следуют русским моделям, но и хорошо укладываются в общую типологическую картину.

(16) Башкирский

Теләһә нимә мөңр-әп йөрө-мә әле бында.
PART что мычать-GER ходить-NEG сейчас здесь

‘Нечего ходить тут и **мямлить**’.

(17) Татарский

Сорау-на жавап бирәл-мә-гән студент кәжә сымак мәлдәр-и.
вопрос-ACC ответ знать-NEG-PST.INDF студент коза как мекать-PRS

‘Студент, не знающий ответ на вопрос, **мекает** как коза’.

В то же время, в рассматриваемых языках представлены и более редкие для данной области источники метафоры. В башкирском языке это глаголы *бакылдау* <лягушка>, а также *жужылдау* и *быжылдау* <жук>, указывающие на невнятность речи, а в татарском — лексема *мыркылдау* <свинья>, обозначающая бормотанье себе под нос, непонятную неуверенную речь, см. (18).

(18) Татарский

Такта алдында укучы бала мыркылд-ый.
доска перед ученик ребенок хрюкать-PRS

‘У доски ученик **бормочет**’.

3.3.3. Разговор близких людей

В обоих языках нежному разговору между близкими людьми (в основном, влюбленными) соответствует воркование голубей (башкирский — *гөрөлдәү*, татарский — *гөрләү*). Такой же переход есть и в других языках, например, в русском и французском.

(19) Татарский

Бакча-да яш-ләр гөрл-әш-еп сөйл-әш-еп утыр-а-лар.
сад-LOC молодой-PL ворковать-СОOP-CONV говорить-СОOP-CONV сидеть-PRS-3PL

‘В саду сидят молодые люди, **воркуя** (говорят, воркуя)’.

Возможно, что метафора воркования появилась в татарском и башкирском языках под влиянием русского. Чувашские (*кăвăлтатать*) и казахские (*гүілдей*) данные дают аналогичный переход, впрочем, его появление также может быть объяснено русским влиянием. В киргизском (*куркулдөө*) этот переход не обнаруживается.

3.3.4. Многословие и болтливость

Перенос в эту зону есть и в башкирском, и в татарском, причем в обоих языках с участием одного глагола: лексема, обозначающая звуки гуся (башкирский — *гагылдау*, татарский — *каңгылдау*), развивает значение «много говорить» (20, 21).

(20) Башкирский

Салауат күп гагылда-й,
Салават много гоготать-PRS

күп кенә эйбер-зәр-зе беле-п бул-а ине.
много PART вещь-PL-ACC знать-GER быть-PRS быть.PST.DEF

‘Поскольку Салават много **говорит**, можно было много чего узнать’.

(21) Татарский

Ул каңгылд-ый.
он гоготать-PRS

‘Он много **говорит**’.

В других рассмотренных тюркских языках подобный перенос нам не встретился: его нет ни у чувашского глагола *кăтăлтатать*, ни у казахского *какылдайды*, однако последний развивает производное значение ‘громко смеяться’, аналогичное русскому *гоготать*.

Источником для семантики многословия могут выступать и другие животные. В башкирском языке такое значение характерно для лексемы *каркылдау*, *каргырлдау* <ворона>, см. (22). Глагол *мәелдәү* <коза> относится к этой зоне только в форме повелительного наклонения при отрицании, означая ‘перестань говорить’, см. (23).

(22) Башкирский

Каркылда-һаң, тел-ең-де кыркы-п ал-ыр-зар.
каркать-2SG язык-POSS.2SG-ACC резать-GER брать-FUT.INDF-3PL

‘Будешь много **болтать**, язык отрежут’.

(23) Башкирский

Етәр, мәелдә-мә-Ө.
PART мекать-NEG-IMP

‘Хватит, **молчи**’.

В татарском источнике здесь может служить жужжание насекомых — *жуылдау*. Подробнее переносное значение этого глагола можно описать следующим образом: ‘говорить много, быстро, без конца, так что надоедает’, см. (24).

(24) Татарский

Колак астында жуылда-ма-Ө эле.
 ухо под жужжать-NEG-IMP PART

‘**Не жужжи** под ухом’.

Если в башкирском звук лягушки ассоциируется с невнятной речью, то в татарском — с болтливостью. У глагола *бакылдау* <жаба, лягушка> два переносных значения в этой зоне, впрочем, довольно близких:

- говорить много, бесполезно, ни о чем, см. (25),
- тараторить, болтать (так быстро, что может быть непонятно), см. (26).

(25) Татарский

Ул бакылд-ый.
 он говорить-PRS

‘Он много **говорит**’.

(26) Татарский

Малай бакылд-ый телефон-нан.
 мальчик говорить-PRS телефон-ABL

‘Мальчик **тараторит** по телефону’.

3.4. Пение

В татарском языке метафоры звуков животных в зоне пения не встретились. Однако в башкирском, как уже упоминалось ранее, такой переход есть у глагола *олоу* <волк>, который в этом отношении обнаруживает сходство с русским *выть*. Тем не менее, два этих переноса не вполне идентичны: башкирский глагол развивает семантику плохого, фальшивого пения, а русский — громкого, немелодичного пения.

В языках мира переход ‘выть’ → ‘фальшиво петь’, по-видимому, не является распространенным (близкий семантический сдвиг обнаружился тем не менее в коми-зырянском, где глагол *virzoony* ‘выть’ обозначает нестройное пение множества людей). В целом же в нашей выборке метафора фальшивого пения нередко восходит к звукам животных, однако ее конкретный источник от языка к языку варьируется. Так, идея плохого пения может ассоциироваться с кошкой (коми-пермяцкий), бараном, быком, овцой, коровой (шокшинский диалект эрзянского), гусем (корейский) и др.

Более однородный набор источников характерен для метафор, задающих положительную оценку пения: эта семантика регулярно выражается через пение птиц. Такой переход реализует башкирский глагол *хайрау*, аналогичные сдвиги значения представлены, например, в русском, английском, немецком, французском.

3.5. Характеристики голоса и речи

Характеристики голоса и речи в рассматриваемых языках — это зона, возможно, наиболее густо населенная метафорами. Мы обсудим здесь следующие фреймы: высокий голос, громкий голос, тихий голос, а также характеристики речи.

3.5.1. Высокий голос

В татарском языке два глагола, которые описывают писк кузнечиков и птенцов, дают два разных метафорических перехода. Глагол *чәрелдәү* означает ‘пищать, тоненько кричать’ и нейтрален в оценочном отношении.

(27) Татарский

Су бу-ен-да хатын-кыз-лар чәрелд-и-ләр.
 вода вдоль-3SG-LOC женщина-девочка-PL пищать-PRS-3PL

‘У воды женщины **пищат**’.

(28) Татарский

Елга-да бала-лар чәрелд-ән коен-а-лар.
 река-LOC ребенок-PL пищать-CONV купаться-PRS-3PL

‘В реке дети **пища** купаются’.

(29) Татарский

Кыз чәрелд-и: “Ярдәм итегез” дип.
 девочка пищать-PRS помощь AUX.IMP.PL PART

‘Девочка **пищит**: «Помогите!»’

В отличие от *чәрелдәү*, глагол *чыелдау* имеет негативную оценку и употребляется, когда кто-то говорит писклявым голосом, часто нервно.

(30) Татарский

Син дә чилдә-мә-Ө инде.
 ты CNJ пищать-NEG-IMP уже

‘И ты не **пиликай**, пожалуйста’.

Еще один глагол в этой зоне в татарском языке — *чыркылдау* <воробей> — означает радостный визг (см. также раздел 3.6.4). Этот глагол отличается от предыдущих тем, что не принимает в качестве аргумента содержание речи, то есть не переходит в класс речевых глаголов.

(31) Татарский

Бала-лар чыркылд-ый-лар.
 ребенок-PL пищать-PRS-3PL

‘Дети **радостно пищат**’.

В башкирском языке эта область представлена только одной метафорой, хотя и довольно частотной в языках мира: глагол, обозначающий писк мыши (*пипелдәү*), используется в значении ‘говорить высоким голосом’, см. (32).

(32) Башкирский

Көн буйы телефон аша пипелдә-п йөр-и.
 день POST телефон POST пищать-GER ходить-PRS

‘Целый день **пищит** по телефону’.

3.5.2. Громкий голос

В типологической перспективе источниками метафор громкого голоса обычно становятся звуки крупных животных и больших птиц. Татарский язык здесь в точности следует общей тенденции: человеческий крик может ассоциироваться или с ревом диких зверей (лев, тигр, леопард, лиса, медведь, песец, рысь — *акыру*), или со звуками хищных птиц (орел, сокол — *кычкыру*), см. (33–34).

(33) Татарский

Кылыч-ын баш очына кутәр-еп акыр-а: — Гусар-лар!
 сабля-асс над головой поднять-CONV кричать-PRS гусар-PL

‘Подняв саблю над головой, он **орет**: «Гусары!»’. (Зәки Зәйнуллин, Татар ирегләре: повестьлар)

(34) Татарский

Юк! —
нет

Мәдинә нәкъ кичәгечә үрсәлән-еп кычкыр-ып жибәр-де.
 Мадина точно как.вчера сильно.беспокоиться-CONV кричать-CONV AUX-PST.DEF

‘Нет! — **вскрикнула** Мадина, как и вчера, очень обеспокоенная’. (Яулык 2011)

Башкирский язык также задействует в этой зоне крики крупных диких животных: глагол *ажгырыу* <лев> развивает значение ‘громко, угрюмо кричать’.

Однако большинство башкирских метафор громкого голоса опираются на звуки крупного рогатого скота: *бакырыу* <баран>, *окырзыу* <осел>, *укереу* <бык>. В переносном употреблении *бакырыу* значит ‘громко, грубо орать’, *окырзыу* может еще выражать семантику ‘дразниться’, а *укереу* указывает, что субъект кричит неестественным голосом, см. (35).

(35) Башкирский

Тәли бөгөн көн-ө булы үкер-ә.
 Тали сегодня день-poss.3SG целый орать-PRS

‘Тали сегодня целый день **орал**’.

В обоих языках есть переход в зону «громкий голос», источником которого является собака. В татарском для звуков собаки существует 5 глаголов, но с рассматриваемым фреймом можно соотнести лишь один — *ырылдау*, при этом он указывает не только на силу голоса, но и предполагает агрессивный настрой субъекта (см. раздел 3.6.2). В башкирском же для собаки имеется три глагола, из которых сразу два выражают интересующую нас семантику. Первый глагол — *лаңкылдау* — обозначает громкий голос сам по себе (36), а второй — *өрөү* — передает и громкую речь, и ругань.

(36) Башкирский

Эргәһенә кем генә килмәһен, лаңкылда-й башла-й.
 рядом кто бы подойти орать-PRS начинать-PRS

‘Кто бы ни подошел к нему, он **орать** начинает’.

3.5.3. Тихий голос

Фрейм «тихий голос» представлен только в татарских данных. Глагол *чыркылдау* <воробей> в переносном значении означает ‘шептаться, разговаривать между собой’. Субъектом при этом глаголе могут быть только девушки и дети, у которых обычно высокий тонкий голос.

(37) Татарский

Үзара жыел-ып, кыз-лар чыркылда-ша-лар.
 между.собой собраться-CONV девочка-PL чирикать-соор-3PL

‘Собравшись вместе, девушки **шепчутся**’.

Типологически семантика тихого голоса редко получает самостоятельное выражение через зоометафоры: как правило, она совмещается с определенной семиотикой речевой ситуации. Так, тихий голос, имеющий источником змею, регулярно ассоциируется с еле сдерживаемой агрессией (как в валлийском, финском или индонезийском); жалобные звуки домашних животных могут переноситься на слабый голос, которым выражается просьба (ср. коми-зырянский). Метафора тихой речи, которая восходит к птицам, помимо татарского, встретила в нашей выборке в агульском: в этом случае понижение голоса связывается с ситуацией обсуждения сплетен (источником агульской метафоры служит воркование голубей). По-видимому, сходное семантическое развитие может претерпеть и татарский «воробьиный» глагол *чыркылдау*.

3.5.4. Характеристики речи

Зона «характеристик речи» в башкирском языке несколько богаче, чем в татарском. В татарском значение, которое можно отнести к этой семантической области, развивает лишь глагол мурлыканья кошки: в переносном употреблении он описывает льстивую речь, см. (38).

(38) Татарский

Ул мыйаула-п кына әйт-те.
 она мяукать-CONV PART сказать-PST.DEF

‘Она сказала **льстиво** (мурлыча)’.

Башкирский, помимо кошек, задействует в этой зоне змей. Шипение змеи (*сысылдау / ысылдау*) участвует в двух метафорах: в первой оно означает ‘говорить с ненавистью’ (см. 3.6.2), во второй — слишком быструю речь.

3.6. Семиотически значимая речь

В этом разделе рассматривается семиотически значимая речь, обозначаемая глаголами звуков животных. Здесь мы последовательно обсудим надоедливую речь, неодобрительные реакции, предсказание беды, выражение одобрения, ситуацию распространения сплетен и, напротив, утаивания информации.

3.6.1. Повторение и надоедливая речь

Татарский глагол *бакылдау* <утка, лягушка> в переносном значении описывает речь человека, который многократно говорит одно и то же на протяжении долгого времени, см. (39).

(39) Татарский

Марат бакылд-ый да бакылд-ый.
марат квакать-PRS да квакать-PRS

‘Марат все время **говорит и говорит одно и то же**’.

Идею надоедливости выражает в татарском языке и глагол жужжания (*жуылдау*), который мы уже обсуждали в связи с семантикой многословия и болтливости, см. (24).

Заметим, что в целом в языках мира значения «повторение сказанного» и «надоедливая речь» часто совмещаются в одной лексеме, так как неоднократное воспроизведение одинакового содержания закономерно вызывает неприятие у слушателя. Основными источниками такой метафоры являются насекомые (шокшинский диалект эрзянского, коми-зырянский, адыгейский, армянский), кошки (норвежский, финский) и птицы, например, сорока (коми-зырянский — этот же глагол используется для лягушек). Соответственно, татарские метафоры в этой зоне вполне соответствуют общим типологическим моделям.

3.6.2. Неодобрительные реакции

Большинство метафор, которые мы причисляем к зоне «неодобрительные реакции», относятся к татарскому языку. Так, глаголы *каргылдау* <ворона> и *ысылдау* <змея, гусь> метафорически обозначают «тихое недовольство» — ворчание (см. 40, 41). Как и в ситуации с фреймом «громкий голос», источником нескольких метафор в этой зоне является собака. Глагол *ырылдау* ‘рычать, урчать’ так же, как и предыдущие, обозначает ворчание (42), но, как и следующие, может описывать громкое выражение агрессии (43). Глагол *ырлау* ‘лаять’ характеризует речь на повышенных тонах, обычно когда кто-то о чем-то или о ком-то плохо отзывается, а глагол *өрү* ‘лаять, тьявкать’ обозначает ругань (44).

(40) Татарский

Карт карчык каргылда-п йөр-и.
старый старуха каркать-CONV ходить-PRS

‘Старуха ходит **ворчит**’.

(41) Татарский

Әби ишек₁ алдын₂-да ысылда-п йөр-и.
бабушка двор_{1,2}-LOC шипеть-CONV ходить-PRS

Әби ысылд-ый.
бабушка шипеть-PRS

‘Во дворе бабушка ходит, **ворча**. Бабушка **ворчит**’.

- (42) Татарский
Ире хатын-ына ырылда-ма-Ө ди.
 муж жена-ACC лаять-NEG-IMP PART
 ‘Муж жене говорит «**Не ворчи!**!»’

- (43) Татарский
Базар-да сатучы-лар ырылда-ша-лар.
 базар-LOC торговец-PL лаять-COOP-3PL
 ‘На базаре торговцы **ругаются** (кричат)’.

- (44) Татарский
Кеше-ләр бер берсенә өр-еш-елер.
 человек-PL один на другого лаять-COOP-3PL
 ‘Люди **лают** друг на друга’.

В башкирском же языке в рассматриваемом фрейме встретился один метафорический переход, довольно распространенный в языках мира. Глагол *сысылдау* (вариант: *ысылдау*), в прямом значении относящийся к шипению змеи, в переносном употреблении описывает ситуацию, когда кто-то говорит со злостью, произнося слова сквозь зубы (45).

- (45) Башкирский
Ул сысылда-п һөйлә-не.
 он шипеть-GER говорить-PST.DEF
 ‘Он говорил **сквозь зубы** (злобно)’.

3.6.3. Предсказание беды

И башкирскому, и татарскому языкам свойственна метафора, аналогичная русскому употреблению лексики *каркать* в значении ‘накликать беду’. Татарский глагол *каркылдау* и башкирский *каркылдау* / *каргырлдау* обозначают предсказание, призвание чего-то плохого.

- (46) Татарский
Убырлы карчык кайгы каркылта-ды.
 ведьма старуха горе каркать-PST.DEF
 ‘Ведьма **накаркала** горе-несчастье’.

- (47) Татарский
Юк-ны каркылда-п тор-ма эле!
 нет-ACC каркать-CONV AUX-NEG PART
 ‘Будет тебе **каркать!** (Небылицы каркать не стоит)’

Материал других тюркских языков — казахского (*каркылдайды*), киргизского (*каркылдайт*) и узбекского (*karillama*) — поддерживает тенденцию такого переноса.

Заметим, что у башкирского *каркылдау* / *каргырлдау* есть еще одно производное значение: говорить о человеке плохое (48).

(48) Башкирский

Мин өй-зән сығып кит-кәнсе, өләсәй-ем каркылдап йөрө-нө.
 я дом-ABL выходить-GER уходить-GER бабушка-POSS.1SG каркать-GER ходить-PST.DEF

‘Бабушка **ругала** (поносила) меня вплоть до того момента, пока я не ушел из дома’.

3.6.4. Одобрительные реакции

Переносные значения, соотносящиеся с выражением реакции одобрения, для башкирского языка в нашем материале не встретились. В татарском же эта зона представлена двумя переходами: *мыраулау* <кошка> в метафорическом употреблении означает ‘мурлыкать от удовольствия’ (49) и *чыркылдау* <воробей> — ‘пищать от радости, веселиться’ (этот глагол совмещает семантику одобрительной реакции с обозначением высокого голоса, см. (31)).

(49) Татарский

Сылау-дан соң мин мыраул-ый-м.
 массаж-ABL после я мурлыкать-PRS-1SG

‘После массажа я **мурлыкаю** (от удовольствия)’.

И снова татарские данные хорошо вписываются в общетипологическую картину, так как подобные переходы повторяются и в других языках, ср. выражение удовольствия через мурлыканье кошки в финском, французском, шокинском диалекте эрзянского, норвежском.

3.6.5. Сплетни

Фрейм «сплетни», напротив, не реализуется в татарском (ср. однако, обсуждение в 3.5.3 в связи с семантикой тихого голоса), но получает выражение в башкирском, ср. глагол *шыһылдау* <сорока>.

(50) Башкирский

Нимә шыһылда-й-һың?
 почему стрекотать-PRS-2SG

‘Почему **сплетничаешь**?’

Отметим очередное пересечение с русским языком, в котором, правда, не обнаруживается переноса собственно от глагола сороки (*стрекотать*), однако сама идея разнесения сплетен и сороки тесно увязаны (ср. фразеологизм *сорока на хвосте принесла*). Тем не менее, нельзя утверждать, что эта метафора появилась под влиянием русского языка, так как она встречается и в других языках, например, во французском и корейском.

3.6.5. Неразглашение

Глаголы звуков жуков и других насекомых могут давать в башкирском языке не только метафору неуверенной невнятной речи (см. 3.3.2), но и речь, в которой не хватает информации. Глагол *безелдәү* ‘жужжать’ может развивать семантику ‘недоговаривать’.

(51) Башкирский

Һин безелдә-й-һең.

ты жужжать-PRS-2SG

‘Ты чего-то **недоговариваешь**’.

Напомним, что в татарском языке глагол *безелдәү* обозначает в переносном употреблении многословную, надоедливую быструю речь.

3.7. Множественный субъект

В башкирском языке нет переходов, связанных с идеей множественного субъекта.

В татарском обнаруживается два глагола, попадающих в эту зону. Глагол *гөрләү* <голубь> в переносном значении обозначает шум, гудение толпы (52), а глагол *бакылдау* <лягушка> описывает гвалт, поведение галдящих людей (53).

(52) Татарский

Шул гөрл-әш-ен утыр-ган төркөм яг-ына күз төшер-гәч,

тот гулить-COOP-CONV сидеть-PTCP.PST толпа сторона-ACC глаз опустить-CONV.ANT

Мәдинә дә түз-ми, елмае-п куя.

Мадина CNJ выдерживать-NEG.PRS улыбаться-CONV AUX

(«Туган тел», оригинальный источник не указан)

‘Взглянув в сторону тех сидящих **воркующих** людей, Мадина не выдержала и улыбнулась’.

(53) Татарский

Кеше-ләр бакылд-ый-лар.

человек-PL крикать/квакать-PRS-3PL

‘Люди **галдят**’.

3.8. Другие метафоры

В этом разделе пойдет речь о двух типах метафорических сдвигов: переходах, при которых результирующее значение характеризует не человека, а артефакт или элемент природы, и переходах в не-звуки.

Начнем с последних. В башкирском обнаруживается перенос от глагола ‘жужжать’ (*безләү* <комар>) к обозначению пристального взгляда (54).

(54) Башкирский

Күз-зәр-ең-де безләте-п тор-ма-Ө әле.

глаз-PL-POSS.2SG-ACC жужжать-GER стоять-NEG-IMP так

‘Не **смотри** так пристально’.

В принципе, развитие незвуковых производных значений отличается меньшей типологической регулярностью, чем переходы в остальные семантические зоны (см. подробнее Главу 20). По-видимому, это объясняется тем, что перенос на незвуковые ситуации

в большей степени основывается на культурных стереотипах, связанных с тем или иным животным. Соответственно, и набор незвуковых ситуаций, которые могут описываться интересующими нас глаголами, существенно отличается от языка к языку. Любопытно, однако, что значение, аналогичное башкирскому ('пристально смотреть, пялиться') характерно также для сербского глагола 'блеять (об овце)'.

В татарском переход в не-звуки связан с совершенно другой результирующей семантикой: глагол, обозначающий жужжание шмеля (*быжылдау*), получает значение 'беспокоиться' (55). Отметим, что близкий перенос встречается в агульском языке, где глагол комариного писка может описывать сильное эмоциональное переживание человека.

(55) Татарский

Әби ни өчендер быжылда-и йөр-и.
бабушка почему-то жужжать-CONV ходить-PRS
'Бабушка почему-то **беспокоится**'.

Артефактные и природные звуки как результат метафоры представлены в нашем материале татарскими данными.

Зону артефактов покрывают два переносных употребления. Крики диких птиц (*кычкыру*) используются для описания транспортного шума (56), а глагол, обозначающий лай собаки (*өрү*), получает значение 'играть на трубе' (57).

(56) Татарский

Автобус-лар кычкыр-а-лар.
автобус-PL кричать-PRS-3PL
'Автобусы **кричат** (воют)'.

(57) Татарский

Быргычы быргы-га өр-ә.
трубач труба-DIR лаять-PRS
'Трубач **играет** на трубе'.

Из двух переходов в зону природы первый можно назвать довольно ожидаемым: вой волка (*улау*) переносится на вой ветра (58). Этот сдвиг является стандартным и повторяется во многих языках, например, в русском, шокшинском диалекте эрзянского, корейском, финском, французском, валлийском, немецком.

Второй глагол в этой зоне (*гөрләү*) демонстрирует переход от воркования голубя к обозначению звука журчащей воды (59).

(58) Татарский

Жил ул-ый.
ветер выть-PRS
'Ветер **воет**'.

(59) Татарский

Елга гөрл-әп аг-а. Су гөрл-и.
река гулить-CONV течь-PRS вода гулить-PRS
'Река **журча** течет. Вода **журчит**'.

4. Заключение

Системы глаголов, обозначающих звуки животных, в башкирском и татарском во многом не тождественны. Отличаются как группы животных, объединяемых одним глаголом, так и метафорические переходы, которые дают рассмотренные лексемы. По всей видимости, в части случаев (однако далеко не во всех) совпадение между башкирскими и татарскими метафорами обусловлено влиянием русского языка, т. е. заимствованием семантической модели из доминирующего языка.

Пилотное сравнение с другими тюркскими языками (чувашским, казахским, киргизским, узбекским) не выявило ни одного чисто тюркского метафорического переноса, отсутствующего в русском языке. Все случаи общих для обследованных тюркских языков переносов имели параллели и в русском языке, так что мы не можем надежно ограничить заимствования от гипотетического наследования.

Такие выводы подтверждают перспективность внутригенетической типологии, особенно в контексте исследования лексики. Наш материал дает возможность предположить, что метафорические переносы глаголов звуков животных (а возможно и другие метафорические переносы) не обусловлены наследованием из языка-предка и либо формируются независимо в генетически родственных языках, либо заимствуются из более престижного языка-соседа.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, AVL — исходный падеж, ACC — аккузатив, ASSIM — уподобление, AUX — вспомогательный глагол, CNJ — союз, CONV — деепричастие, CONV.ANT — деепричастие со значением предшествования, COOP — совместный залог, DIR — направительный падеж, FUT.INDF — неопределенное будущее время, GER — герундий, IMP — повелительное наклонение, INTERROG — вопросительность, LOC — местный падеж, NEG — отрицание, PART — частица, PL — множ. число, POSS — посессивность, POST — послелог, PRS — настоящее время, PST.DEF — определенное прошедшее время, PST.INDF — неопределенное прошедшее время, PTCP — причастие, RECIP — реципрок, SG — ед. число.

Источники

Перепись 2010: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf
Башкирский поэтический корпус: <http://web-corpora.net/bashcorpus/search/>
Татарский национальный корпус «Туған тел»: <http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/>